

М. П. Погодин

**Древняя русская история до монгольского
ига. Том I**

в 3-х томах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

M11 **М. П. Погодин**
Древняя русская история до монгольского ига. Том I: в 3-х томах / М. П. Погодин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 410 с.

ISBN 978-5-458-27615-3

Изданная в 1871 году «Древняя русская история до монгольского ига», в которой Погодин обобщил свои исследования по древнерусской истории, стала заметным событием в русской исторической науке. За свой вклад в развитие исторической науки и пропаганду исторического знания Погодин был удостоен многих научных и почетных званий - ординарный профессор, академик, член Московского археологического общества, почетный член Аграмского общества древностей, председатель Славянского благотворительного комитета, действительный статский советник.

ISBN 978-5-458-27615-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ,
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Веда свой родъ изъ крѣпостного крестьянства, спѣшу припесть Освободителю
дань сердечной, глубокой благодарности.

Русское государство, въ образѣ происхожденія и въ ходѣ событій, представляетъ
совершенное различіе съ западными государствами:

Счастливымъ себя почту, если, трудясь много и долго, успѣль пайти и представ-
лять ясно, хотя пѣкоторыя своеобразныя наши черты.

Вѣрное уразумѣніе прожитой жизни содѣйствуетъ опредѣленію и достижению цѣли.

Да поможетъ Богъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ вести нась
неукоснительно, по начатому славному пути освобожденія, къ этой завѣтной цѣли—
народнаго развитія, образованія, благосостоянія,—человѣческаго совершенствованія,
въ духѣ святаго ученія Христова.

Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ!
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

1871 года,
Мая 19.

ВЪРПОПОДДАННЫЙ,
Михаилъ Погодинъ.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Преданіе, донесшееся изъ глубины вѣковъ, до нашихъ лѣтописателей, указываетъ племенемъ Словенскій первоначальное жилище въ Европѣ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ,— Дунаѣ, который до сихъ поръ еще слышится у насъ иовсюду въ народныхъ пѣсняхъ. «По мѣзѣхъ временѣхъ» (по потопѣ), говоритъ древнійшій лѣтописатель нашъ Иесторъ, жившій въ XI столѣтіи, «сѣли суть Словеніи по Дунаеви, гдѣ есть щиѣ Угорска земля и Болгарска».

Отсюда, вслѣдствіе естественаго размѣженія и другихъ побудительныхъ обстоятельствъ, выселялись они по временамъ,— задолго до Рождества Христова,— и заняли ваконецъ почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себѣ обитателей, по случаю нашествія съ запада Кельтовъ или Волоховъ, которые, растревоживъ Словеній въ ихъ пригрѣтомъ гигѣдѣ, заставили многихъ искать себѣ новыхъ жилищъ. Они тогда стояли уже на извѣстной степени образования, знакомые съ земледѣліемъ и первоначальными искусствами, говорили языкомъ богатымъ и значительно развитымъ, имѣли попятія и вѣрованія, о Богѣ и жизни посмертной, привнесшія еще изъ прародиши своей Индіи, съ коей до сихъ поръ обнаруживаютъ свойство.

Они изъ Словеній, племена Ляшскія, принѣли направление съ Дунаемъ къ сѣверо-западу; другія, наши, къ сѣверо-востоку.

Передовыми изъ послѣднихъ были собственно такъ-называемые Словене. Напираваемые сзади свѣжими толпами, они должны были спѣшно и усильно прокладывать себѣ дорогу, шли-шли и достигли наконецъ озера Ильмеря, раздвинувъ обитавшую въ этихъ мѣстахъ Чудь. Здѣсь только могли они остановиться, и построили себѣ Новгородъ.

«Словеніи же сѣдоша около озера Ильмеря, прозвавшися своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша я Новгородъ».

Словенскій конецъ, улица Славно, ручей Словенскій, извѣстные до сихъ поръ въ Новгородѣ, указываютъ сволми именами, можетъ быть, на мѣста первого поселенія.

Соплеменники, следовавшіе по ихъ стопамъ, остановились также по пути, когда наткнѣсь юга утихнула, гдѣ кому случилося, на Днѣпѣ, Принети, Сожѣ—Кривицѣ, Драговичи.

Другіе, еще прежде поворотившіе направо, разселились по Днѣстру, Бугу, Днѣпру и ихъ притокамъ,— Тиверцы, Хорваты, Сѣверяне, Поляне.

Всѣ они не составляли сплошнаго народопаселенія, раздѣляясь между собою рѣками, лѣсами, горами, болотами и степями.

Поляне, по сказанію лѣтописца, отличались тихими и кроткими правами. Бракъ издавна совершился между ними по взаимному согласію. Семейныя отпоешія отличались скромностью. Древлине же имѣли обычай дикіе, подобно зѣтрымъ, съ коніми жили въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, питались всякою нечистотою, въ распрыахъ и ссорахъ убивали другъ друга, брака полюбовнаго не знали, но уводили или похищали себѣ жену. Такъ жили и Радимичи, Вятичи, Сѣверяне. Они сходились на игрища и пасаны между селами, и тамъ выбирали себѣ дѣвицъ, съ кѣмъ которая говорится. Многоженство было у нихъ въ обыкновеніи. Иадъ покойниками совершалась тризна, пасыпалась кладъ высокая, на которой трупъ бытъ сожигаемъ. Сожженыя кости собирались въ малую сосудину и поставлялись на столахъ при дорогахъ. Такъ поступали Вятичи даже до II столѣтія, Кривичи и другіе. Мышь и париться въ баниахъ составляло древнѣйший обычай, которому удивился еще, какъ говорить преданіе, Св. Апостолъ Андрей.

Болотистая и лѣсистая, бѣдная дарами природы, страна досталась на долю Словенамъ, которые, опознавшись, должны были подумать о средствахъ спасківать индѣ себѣ пропитаніе.

Къ счастію недостатки ихъ вознаграждались удобствами водныхъ сообщеній, не только съ ближними, но и самыми отдаленными землями.

Вскорѣ познакомились они съ своими приморскими союзами: это были родственныя племена, выселившіяся прежде ихъ съ Дунаемъ, а далѣе Норманы, извѣстные у нихъ подъ именемъ Варяговъ, самый дѣятельный и удалой народъ въ Европѣ того времени, которые уже съ V вѣка ходили на всѣхъ моряхъ, и имѣли сообщенія по всемъ

берегамъ, въ Британіи, Галліи, Германіи, Италии, наконецъ ближайшіе, Финны такъ называемая ими—Чудь.

Чудью, состоящую изъ множества племенъ, заселено быть, по другую сторону за Новогородцами, и весь Востокъ, отъ Сѣвернаго моря до Каспійскаго.

Смышленные пріицѣцы провѣдали, гдѣ водятся въ особенности естественныя произведения, въ конѣ опи наиболѣе имѣли нужды, и что могутъ они предлагать въ замыну Перки, Булгарачъ, Козарамъ, Югрѣ. Имъ удалось даже стать твердой чѣгудою впосѣдѣніи на самыя выгодныя для себя въ этомъ отпоешіи точкахъ, откуда они могли основать свою власть надъ окружными странами. Такъ произошли новыя населенія, оказавшіяся вскорѣ для нихъ необходимыми—Изборскъ, Торжокъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Муромъ, Бѣжецъ, Волокъ Ламскій.

Въ торговлѣ Новогородской приняли вскорѣ участіе и Норманы, нигдѣ не упускавшіе случайнѣй заводить своимъ связь, и разселявшіеся повсемѣстно; они распространили Новогородскую торговлю еще далѣе, до самаго устья Волги, куда, съ противоположной стороны, чрезъ Каспійское море, изъ внутренней Азіи, проникло съ однаковою цѣлью другое бодрое, живое, и вмѣстѣ образованное племя того времени—Арабы.

Арабы провозили въ устье Волги къ Козарамъ ароматы, южные плоды, шерстистыя ткани, драгоценныя каменя, которые до сихъ поръ удерживаютъ у насъ свои восточные наименования: изумрудъ, яхонть, бирюзу, жемчугъ....Чудскія племена доставляли мѣха, рыбу, хлѣбъ, металлы, юфть. Изъ низовыхъ южныхъ Славянскихъ поселеній получался хлѣбъ, медь, воскъ. Изъ Греціи павлочки, золото, вино. Норманы

торговали мечами франкской работы, ятаганом, пучомъ, невольниками.

Очень рано между всѣми сими народами началась взаимная меѧна, изъ коей мало по малу, по меѧру распространенія сообщеній, образовалась правильная обширная торговля съ определенными путями.

«Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки,» говорить Песторъ «и изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати вплити въ Пльмеръ озеро великое, изъ негоже озера по течетъ Волховъ, и втечеть въ озеро великос Нево, того озера устье впадеть въ море Варяжское.»

«Тѣмъ-же изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалыши... Потечо Волга на востокъ, и втечеть семидесятию жерель въ море Хвалыжское» (Каспийское).

Огромное количество монетъ Арабскихъ (диргемовъ), седьмаго, осьмаго и слѣдующаго вѣковъ, равно какъ и Византійскихъ, Норманскихъ, находимыхъ безпрестанно по всему этому пространству, служить не опровергнимъ доказательствомъ живаго сообщенія между племенами, адѣсъ обитавшими, съ отдаленіемъ древности.

Смышленные Словене умѣли воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, на перенуть Норманновъ въ Грецию и къ Финскимъ племенамъ, передавали товары изъ рука въ руки, и богатѣли. Городъ ихъ сдѣлалась въ гдѣкоторомъ смыслѣ складочнымъ мѣстомъ на Сѣверѣ. Слава о Новгородѣ распространялась по всему Варяжскому или Балтийскому поморію, и Исландскія саги наполнились сказаніями о богатствѣ и могуществѣ великаго Гольмгарда.

Точно такое значеніе получить на югѣ Кіевъ, принадлежавшій другому Славянскому племени, Полянамъ, (предкамъ кажется пышшіхъ Великоросіянъ).

Новгородъ подвергся нападенію Норманновъ, господствовавшихъ на всѣхъ сосѣднихъ моряхъ, Кіевъ со всѣми южными племенами—Козаровъ, которыхъ главная сила сосредоточивалась въ Итильѣ, пынгышей Астраханіи, на устьѣ Волги.

Въ 859 году, (первое опредѣленіе времени въ Лѣтописи) какая-то ватага Норманновъ, называвшихся у царя Варягами, приплыла по Варяжскому морю, въ устье Невы, разсыпалась по сторонамъ, и обложила даюю встрѣченія сю племена, Славянскія и Финскія.

Подданство продолжалось недолго: племена вскорѣ встали, одно за другимъ, потому ли, что были вынѣдены изъ територіи насилиствомъ прішельцевъ, или потому, что увидѣли возможность легко справиться съ ними, и не захотѣли пести напрасныхъ убытковъ.

Какъ бы то ни было, хозяева прогнали незваныхъ гостей туда, откуда они приходили, «за море,» и начали по прежнему «владѣть сами о себѣ,» по вскорѣ пересорились между собою, «встали родъ на родъ,» полилась кровь, и усобицѣ не видать было конца, а Норманны, съ часу на часъ, могли воротиться съ новыми, еще болѣшими силами, отмстить жестоко за полученное оскорблѣніе и наложить иго тяжелое прежняго!

Тогда, среди общей смуты, пришла въ голову кому-то изъ воевавшихъ благая мысль, чтобы прекратить кровопролитіе: «Попицѣть себѣ Князя, который бы владѣть нами и судить по праву».

Совѣтъ заслужилъ одобреніе. Но гдѣ искать Князя, столько сильнаго, чтобы онъ могъ дома держать свое имя грозно, и въ нужномъ случаѣ защитить мирныя племена отъ вѣшніхъ враговъ?

Здравый смыслъ, народный толкъ, указалъ имъ Норманновъ, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему,

ходили безпрестанно на всѣ четыре стороны, селились везде, гдѣ пригрѣвало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь бы бѣ изъ чего,—Норманновъ, о которыхъ грозная слава разпростраивалась всюду. Да и когожь въ то время выбирать было иначе? Кто имѣлъ столько силы и смѣлости, чтобы взяться за такое трудное и опасное дѣло? Кто могъ лучше защитить отъ Норманновъ, какъ не ихъ соотечественники?

Словене, съ подчиненными имъ, болѣе или менѣе, Кривичами, Чудью, Весью и Мерею, пошли «за море,» къ одному Норманскому племени, почему-то имъ болѣе знакомому, которое жило, кажется, въ углу Варяжского моря, въ сосѣдствѣ и сопокушности съ родственными имъ племенами, и «называлось Русью, какъ другія племена назывались Свейми, Англяшами, Готами и Мурманами».

Земля наша велика и обильна, а порядка въ неї пѣтъ: придите княжить и володѣть намъ, сказали имъ послы безъ всякихъ околичностей и условій. Вѣщія слова, опредѣлившія дальнѣйшій ходъ нашей Исторіи.

Норманны знали коротко ихъ землю, богатый Гольмгардъ, знали сѣднюю, обильную мѣхами, Барыю или Пермь, знали примѣчную Грецію, куда многие отъ нихъ частоѣздили торговатъ въ Константинополь, и служить по найму въ императорской варантіи или гвардіи.

По этому пути, знаменитому austerveg Норманскихъ лѣтописей, ходили уже въ Грецію, лѣтъ за тридцать, и некоторые изъ той Руси, къ коей обратились теперь посланные.

Охотники начались—согласиться на вызовъ: три брата, князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они поднялись со всѣмъ своимъ племенемъ, «иоша по собѣ всю Русь,» и пришли къ намъ въ 862 году.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РЮРИКЪ СЪ БРАТЬЯМИ.

862—879.

Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, сѣлъ въ Ладогѣ, откуда, при истокѣ Невы, всегда удобнѣе было встрѣтить Норманновъ, которые обыкновенно приставали къ этой гавани, известной у нихъ подъ именемъ Альдейгоборга, Синеусъ поселился у Веси на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ у Кривичей.

Война была любимымъ занятіемъ, промысломъ, привычкою и жизнью Норманновъ, и вотъ призванные братья, лишь только утвердились въ новыхъ становыхъ своихъ жилищахъ, какъ и начали «воевать всюду» съ сѣдними племенами.

Но чрезъ два года мѣшшіе братья умерли; старшій, Рюрикъ, наследовалъ ихъ волости, и переселился съ своею дружиной въ Новгородъ, главной городъ Словенъ, уже сильный, богатый торговлею, владѣвший обширною волостью, и имѣвшій свои гражданскія учрежденія,—«и прозвались Новгородцы отъ нихъ, (отъ пришедшей Руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Мужамъ своимъ Рюрикъ роздѣлъ, кому Полоцкъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро,—съ обязанностю собирать дань, судить и рѣдить народъ, и приходить къ нему съ волми по требованію. Срубивъ самъ городъ въ Новгородѣ, (Городище?) онъ велѣлъ имъ также, по исключѣнію обычаю Норманновъ, рубить везде города или крѣпости, какъ необходимо точки опоры, гдѣ легко держаться, откуда удобно нападать, куда можно приводить пѣшиковъ, и спасать добычу.

Мужи Рюриковы разошлись съ своими братьевъ родичами, которыхъ переселеніе съ Сѣвера продолжалось еще много времени, «и по тѣмъ городамъ», говорить древнѣйшая памя лѣтопись, «Варяги везде пахо-

дники, а первые жители въ Новгиродѣ Словене, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣльзѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Пришельцы составили главную, господствую-шую часть городовъ Славянскихъ и Фин-скихъ, и военное, высшее сословіе нового государства. «И тѣми всѣми (пришель-цами и туземцами) обладаше Рюрикъ».

Привыкнувшіе къ воли Новгородцы вскорѣ не подадили съ нихъ, говорить поздѣйшая лѣтопись: «оскорбившися глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и иного зла всячески пострадати отъ Рюрика и рода его... уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ много изи Новгородцевъ, союзниковъ его».

Двоє изъ спутниковъ Рюрика, *Аскольдъ* и *Диръ*, ни князя, ни бояре, выпросились у него съ родомъ своимъ въ Константино-поль, намѣреваясь, безъ сомнѣнія, служить въ числѣ императорскихъ тѣлохранителей или стѣнопосадовъ.

Отшущенны, они не попали однакожъ, куда собиралися: пронесясь въ легкихъ ладь-яхъ по Днѣпру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся имъ слишкомъ крѣпкими, они остановились подъ крутой горою, на которой, въ сѣни тополей и черешень, виднѣлся городокъ...

Осмотрясь и оспросясь они узнали, что городокъ называется Кіевыемъ, что строители, три брата, Кий, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, умерли, а жители платить дань родамъ ихъ, Козарамъ.

Искателямъ приключений поправилось же-сто при широкой рѣкѣ, текущей прямо въ лѣбезное для нихъ море, на перепуть съ Сѣверомъ, изъ родины, въ Грецію—такъ тепло здѣсь и привольно, всего ростетъ кажется вдоволь. А жители смирины, воевъ иѣть, городокъ не крѣпокъ. Не останется ли здѣсь?

Вадумано, сѣѧно. Аскольдъ и Диръ остались, а Поляне, самое тихое изъ племенъ Славянскихъ, приняли ихъ къ себѣ безъ прокословій.

Молва разнеслась объ удачѣ и выгод-ночѣ поселеній. Изъ Новагорода вскорѣ при-было къ имъ вѣскоюко мужей, ушедшихъ отъ Рюрика. Постѣ могли останавливаться у нихъ проѣзжіе земляки, а другіе при-плыть даже нарочно. Число товарищѣй пригульныхъ увеличивалось безпрестанно: они утвердились и начали владѣть Польскою землею, какъ владѣли ихъ единоплеменники на Сѣверѣ, и, подобно имъ, воевать съ союзими.

Но такихъ легкихъ войнъ вскорѣ стало для нихъ недовольно. Другая мысль зашала имъ въ голову, другая мечта овладѣла ихъ живымъ воображеніемъ, достойная Норман-ской крови. Они вѣдумали идти на Кон-стантинополь, о которомъ чудеса разсказы-вались на ихъ родинѣ. Миклагардъ, Микла-гардъ, великий городъ! Чего тамъ пѣть! Какія сокровища вездѣ собраны! Сколько золота и серебра, павлока! Что за вина, что за яства! А запита шлохая. Грече-скіе воины изнѣжены до того, что имъ ихъ у родственныихъ варанговъ употребляется въ пасынку. О жителяхъ и думать нечего. Путь же не далекъ, морскія бури знакомы. Отъ чего не постыдиться? Ходили-жъ ихъ братья, прежде и постѣ, на Римъ, на Парижъ, на Лондонъ, на Севіллю. Смѣость города береть. Авось!

Начались приготовленія къ походу. Клик-нуть кличъ, который, передаваясь отъ го-рода къ городу, могъ вскорѣ донести до отдаленнаго Сѣвера.

Стали со всѣхъ сторонъ собираться охотники дѣлать труды, опасности и устѣхи,

какъ это случалось обыкновенно при всякомъ большомъ Норманскомъ предприятіи. На Царьградъ, на Царьградъ!

Славяне принялись строить лодки, кои выдѣлывались изъ одного дерева, и потому назывались у Грековъ однодеревками, а постѣ у казаковъ душегубками.

И черезъ два года пустилось по Днѣпру сборное ополченіе, изъ двухъ сотъ судовъ. Первые четыреста пятнадцать верстъ не представили по рѣкѣ никакого затрудненія. Но вотъ начинаются страшные Днѣпровскіе пороги, продолженіе Карпатскихъ горъ, кои до сихъ поръ препятствуютъ свободному судоходству. Привычные къ водѣ Норманы успѣваютъ кое-какъ пробраться чрезъ всѣ преграды, гдѣ пребя, гдѣ плывутъ парусахъ, гдѣ выходя на берегъ, и неся на плечахъ свои легкія лодки. Вотъ открылось раздольное море, и воинъ вдали показался предъ вѣнами и желанный Константинополь.

Тамъ никто не ожидалъ гостей.

«Походъ этихъ варваровъ схитренъ быть такъ,» свидѣтельствуетъ Патріархъ Фотій, «что и молва не успѣла предупредить нась, дабы могъ кто-либо подумать о безопасности, и мы услышали о нихъ только тогда, когда ихъ увидѣли, хотя и отдалились отъ нихъ многими странами и широтами, судоходными рѣками и пристанищами морями.»

«Помните тотъ часъ несносный и горький,» говорить огнь же постѣ, воспоминая это событие, «когда, въ виду пашемъ плыли варварскіе корабли, . . . когда это море, утихнувъ, трепетно разстилало хребетъ свой, содѣльвая плавающіе ихъ пріятныи и тихи, а на нась воздымало шумящія волны браны; когда они проходили предъ городомъ, и угрожали ему, простерши свои мечи!»

«Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догорала съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія нашего поглощалась глубокимъ мракомъ смерти!»

Быстро и съѣло вошли Русь «внутрь суду», въ пристань, высадились на берегъ, раздѣлили жребіемъ по себѣ предметы и принялись убивать и грабить.

«Что это?» воскликнѣтъ ученый, краснорѣтвый проповѣдникъ, обливаясь слезами, въ соборномъ храмѣ Святаго Софіи, предъ собравшимися народонаселеніемъ столицы, «откуда упать на насъ этотъ дальнѣ-сѣверный и страшный перунъ? . . . откуда нахлынуло это варварское, стущенное и грозное море? . . .?»

«Народъ жестокий и дерзкий разоряетъ и губитъ все, живы, жилища, пажити, стада, женщины, лѣтей, старцевъ, юношѣ, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя,ничего не щадя. Онь, какъ саранча на нивѣ, и какъ ржавчица на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зпой, тифонъ, наводненіе, или по знаю, что и сказать, явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея.»

Испуганнымы Грекамъ показалось, что непрѣтели перелѣти уже черезъ стѣны, и что городъ взятъ.

Молодаго Императора Михаила III не было тогда въ городѣ: онъ только что вышелъ на Агарянъ въ Малую Азію. Эшархъ или замѣстникъ послалъ къ нему извѣстіе, которое настигло его на Черной рѣкѣ. Михаиль спѣшилъ воротиться...

Греки между тѣмъ вступили, безъ сомнѣнія, въ переговоры съ напавшою Русью. Предложена была имъ богатая дань, лишь смыли бы они осаду и удалились....